

стические произведения приобрели пафос отрицания, меткое и острое критическое жало» (стр. 9).

Афористическая поэзия советского периода М. П. Хамагановым характеризуется как высший этап ее развития, когда создаются новые произведения, которые не теряют связи с прошлой поэтической культурой, но более близки к современным литературным традициям; например пословицы: «У Байкал-моря вода глубокая, учение учителя Ленина глубокое» (стр. 83); «Воспитывая своих детей, заслужи имя — имя старика-отца, работая с вдохновением, заслужи звание ударника» (стр. 217).

Автор подчеркивает, что в советское время не только создается новый по содержанию фольклор, но и старые традиционные формы афоризма наполняются новым содержанием. Так, бурятские загадки, как показывает автор, утратили свои старые функции, применяемые в тайных переговорах, и приобрели новые, т. е. ныне загадки стали только средством поэтической передачи реальных явлений действительности.

Следует отметить, что в отдельных главах, к сожалению, материал освещен не с одинаковой полнотой. Между тем М. П. Хамаганов оригинально интерпретирует отдельные пословицы, поговорки и загадки, раскрывая при помощи исторических преданий бурят и анализа художественных деталей их идейный смысл, выраженные в них народные чаяния и ожидания.

Возможно, конкретные исторические факты и древние обычаи, на которые зачастую ссылается автор в своем исследовании, отразились в бурятских пословицах, поговорках и загадках, но все же следует сказать, что эти реликты не определяют целиком идейно-социальный смысл произведений афористического творчества.

Являясь обобщением большого фактического материала по афористическому творчеству бурят, труд М. П. Хамаганова — ценный вклад в науку о фольклоре.

Отрадно то, что в книге М. П. Хамаганова дан, хотя и бегло, анализ средств художественной выразительности произведений бурятской афористической поэзии, показаны ее живые национальные краски. Издательство правильно отметило в краткой аннотации, что эта книга «представляет собою первый опыт исследования важнейших вопросов истории бурятской народной афористической поэзии, рассматриваемых в тесной связи с жизнью народа, с историей бурятского общества».

Наличие дискуссионных или недостаточно освещенных автором вопросов неизбежно в этом труде, являющемся по существу первой ласточкой в области исследования малых жанров фольклора бурятского народа.

У.-Ж. Ш. Дондуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Slovenský národopis. Slovenská akademiá vied. Bratislava, ročník VI, 1958, N 1—6.

За послевоенные годы этнографы Словакии добились значительных успехов в изучении культуры и быта словацкого народа. При Словацкой Академии наук уже ряд лет существует Институт этнографии — научный центр этнографов и фольклористов Словакии. В 1958 г. создано Словацкое этнографическое общество, которое объединяет также большую группу музейных работников.

Оживление исследовательской работы словацких этнографов принесло свои плоды, особенно заметные в последнее пятилетие. В 1958 г. вышел из печати большой коллективный труд — монография о горняцком селении Жакаровцы¹, явившийся первым опытом этнографического исследования быта и культуры рабочего класса Словакии. На протяжении 1955—1957 гг. словацкие этнографы издали четыре крупные монографии, посвященные одежде словацкого крестьянства, и другие значительные работы².

С 1953 г. словацкие этнографы имеют свой периодический орган «*Slovenský národopis*»³. Журнал уже напечатал много ценных работ по различным вопросам этнографии и фольклористики.

В 1958 г. журнал уделит значительное место вопросам сельскохозяйственной культуры словацкого крестьянства. В статье Й. Нижнянского «Жатва и молотба в с. Брестованы в древности» (№ 3) на большом историко-этнографическом материале рассматриваются: выращивание урожая зерновых культур, жатва, вывозка урожая и подготовка его к обмолоту, а также очистка зерна и различные способы его хранения.

Близка по тематике к этой статье работа П. Хорвата «Жатва и молотба зерновых в западной Словакии в XVII и XVIII столетиях» (№ 1—2). В статье рассматривается малоразработанный в словацкой (да и не только словацкой!) этнографии вопрос: об-

¹ «*Banická dedina Žakovce*», Bratislava, 1956. См. рецензию В. Крупнянской и Н. Грацианской в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1.

² J. Markov, *Slowakische Volksliedung der Vergangenheit*, Bratislava, 1956; S. Kováčevičova, *L'udový oděv v Hornom Liptove*, Bratislava, 1955; V. Nosálová, *L'udový oděv v Hel'pe a v Pohorelej*, Bratislava, 1956; J. Patková, *L'udový oděv v okolí Trnavy*, Bratislava, 1957.

³ До 1953 г. издавался «*Národopisný sborník*» (с 1939 по 1952 г. вышло 11 выпусков).

щественная и техническая сторона жатвы и молотбы в западной Словакии. Автор убедительно показал, что земледельческие орудия, применяемые при жатве (кстати, применение косы у словаков получило распространение только в конце XVIII в.) и обмолоте хлебов, приемы обработки почвы и уборки урожая зависели полностью от социально-экономических условий. Оплата труда крестьян в помещичьих хозяйствах была натуральной: так, обычно жнецам шел восьмой или десятый сноп.

Подробное описание сельскохозяйственных работ, изложение истории распространения отдельных видов зерновых культур в крестьянском хозяйстве, а также рассмотрение различных элементов производственного быта словацких крестьян делают обе статьи особенно ценными для сравнения с сельскохозяйственной культурой других славянских народов.

Автором статьи «К изучению народного строительного дела и жилища в районе Врбле (южная Словакия)» (№ 5) Я. Мартаном широко использован сравнительный материал по строительной технике других славянских народов, в частности украинцев и поляков.

В южной Словакии существовали два способа постройки домов из глины. Первый способ — «кладка» (*vukladanie*) — заключается в том, что вымешенную с помощью лошадей глину набирают на вилы и кладут из нее стены в три приема, давая обсохнуть готовой части стены. Сложенные таким способом стены неровны и сглаживаются затем лопатами. Второй способ — набивание (*nabíjanie*) — состоит в том, что предварительно устанавливают две стенки из досок, пространство между которыми набивают чуть влажной глиной, а затем ее утрамбовывают. Для крепости в глину кладут солому, прутья, ветки. Набивные стены ровны. Окна в них, как и в стенах, построенных способом кладки, пробивают топором после того как кладка закончена. В настоящее время оба эти способа исчезают, так как получил широкое распространение другой строительный материал (жженный кирпич и др.). Можно напомнить, что эти способы строительства глинобитных жилищ были распространены и в России, особенно у южных великорусов, украинцев⁴ и молдаван. Так как глиняные стены были не особенно прочными, кровлю в южной Словакии ставили на «сохи», на которые горизонтально клали бревно — «слеmano» (*slemano*), — чтобы основная тяжесть кровли не давила на глиняные стены. Кровля таких домов была соломенной.

Дома в Словакии строили с помощью родственников и соседей. Мужской работой при постройке дома считалась кладка стен, а женской — обмазывание и побелка глиной стен и потолка.

Малоисследованному виду народных промыслов — углежжению — посвящена статья В. Латта «Углежжение в Гамрах около Снины» (№ 6). Этим промыслом занимались люди, для которых жжение угля было основной профессией; древесный уголь даже в недалеком прошлом был одним из распространенных видов топлива. Угольщики были вынуждены в поисках подходящих лесных участков перекочевывать с места на место. В народной технологии углежжения выработались сложные приемы. Все работы производили, однако, исключительно вручную при помощи примитивных орудий: деревянной лопаты, топора, граблей, кочерги, кирки, мотыги и шплейсака (*šplejsák* — специальный крюк для выгребания угля из кучи). Угольщики Гамр пользовались до 30-х годов XX в. пилами — «гуцулками». Дрова свозили в кучу на деревянных санях, в которые зачастую впрягались люди. Работали угольщики группами в 3—5 человек, преимущественно родственников. Заработок делился между членами группы в соответствии с затраченным трудом.

Автор отмечает типичные черты в быту угольщиков. Так, рабочая одежда угольщиков селения Гамры была отчасти дмотканной (рубаша и штаны), отчасти фабричной, городского типа, постепенно вытеснявшей народную одежду. Жилищем угольщика была землянка (двух типов), которую строили на поверхности земли из бревен.

Интересная статья В. Латта значительно выиграла бы, если бы автор привлек больший сравнительный материал, без чего трудно представить себе общие черты и особенности приемов труда, быта и культуры угольщиков всей Словакии.

В № 1—2 журнала напечатана большая монографического характера работа Е. Ионовой «Застежки — составная часть народной одежды».

Словацкие этнографы в последнее время начали изучать словаков и за пределами Чехословацкой республики. В северо-восточную Венгрию, например, где имеется область словацких поселений, сохранивших национальные черты в быту и культуре, несколько раз ездил в научную командировку словацкий этнограф Ян Подолак. Журнал поместил две его статьи: «Народные игры и увеселения словацких детей в с. Надьхута (Венгрия)» (№ 3) и информационную статью «Опыт исследования словацкой этнической территории в северо-восточной Венгрии в 1957 г.» (№ 4).

О словаках-анабаптистах, которые в начале XVII в. бежали из западной Словакии в Трансильванию, рассказывает Ю. Билл в статье «Габанское селение в Трансильвании» (№ 3). В трансильванских музеях до сих пор хранятся образцы словацкой материальной культуры XVII в.

Раздел дискуссий в журнале беден. В 1958 г. в этом разделе была опубликована статья известного болгарского этнографа Хр. Вакарельского «Культурные пережитки».

⁴ См.: Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Востоочнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 94.

В статье ставится вопрос о существовании в быту болгарского крестьянства некоторых пережитков эпохи матриархата. Хр. Вакарельский усматривает эти пережитки в ряде явлений. К ним он относит, например, сбор лесных ягод, терна, малины, а также диких яблок и груш; этим занимаются преимущественно женщины и дети, а мужчины пренебрегают. Собираательство, игравшее весьма существенную роль в добывании пищи до возникновения земледелия и скотоводства, составляло, как известно, наряду с охотой, один из главных источников добывания пищи и со временем стало делом преимущественно женщин. Другой пережиток матриархата автор видит в сохранившемся в Болгарии обычае, согласно которому производство подниц осуществляется исключительно женщинами. П. Н. Третьяков отмечал, что выпечка хлеба в подницах имела место и у славянских племен, живших в среднем Поднепровье, на верхнем Дону и Донце и по верховьям Оки⁵ и, следовательно, является элементом культуры славян. Думается, что гипотеза Хр. Вакарельского о производстве подниц как пережитке матриархального периода справедлива, так как вообще только после введения гончарного круга изготовление глиняной посуды перешло «из рук женщин в руки мужчин-специалистов»⁶.

Пережитком матриархата в сфере обычаев и поверий автор считает сохранившийся до сих пор у болгар образ «судичек» (sudicěk) — женщин, которые определяют судьбы новорожденных. В народных болгарских песнях имеются образы трех сестер, решающих судьбу новорожденного (ранняя или поздняя смерть, счастливая или несчастливая жизнь и т. д.). Главную роль играет старшая среди сестер. Сила решений «судичек» настолько велика, что с ней считается даже бог, а иногда он даже нуждается в их санкциях.

Автор отмечает, что подобных пережитков существует в жизни разных народов много и задача этнографов — найти их и правильно осмыслить.

Журнал систематически печатает статьи по словацкому фольклору. Из опубликованных в 1958 г. представляет большой интерес статья М. Гуски «Исторические и фольклорные данные о рекрутчине и вербовке в Словакии» (№ 1). Многие прежние словацкие фольклористические исследования не уделяли должного внимания отражению в песенном творчестве народа действительных исторических событий. В ряде работ современных словацких этнографов (в первую очередь Р. Бртань и А. Мелихерчика) намечаются пути к решению этой проблемы. Я. Гуска ставит перед собой задачу исследования песен о вербовке в армию и о рекрутчине в старой Австро-Венгрии. На материале песен, собранных автором статьи и другими собирателями, вырисовывается тяжелая картина, когда тысячи словацких юношей и молодых мужчин насильственно вербовками угоняли служить в венгерскую императорскую армию. В народном творчестве зафиксированы беспощадные методы вербовки (сохранившиеся в Словакии почти до середины XIX в.) и все попытки словаков избежать этого путем бегства в горы или перехода границы и т. д. В песнях ярко отражено, что вся тяжесть военной службы падала, в основном, на беднейшие слои крестьянства. Песни хорошо отображают протест народа против социального гнета, который в Словакии сочетался с национальным. Автор указывает, что все события, которые освещаются в рекрутских песнях, имеют аналогию с историческими событиями (XVII—XVIII вв.) и с почти документальной точностью передают их. Такие исследования народного словесного творчества несомненно плодотворны и принесут пользу делу его изучения.

К 50-летию со дня смерти известного словацкого краеведа Андрея Кметя (1841—1908) была напечатана статья Я. Подолака (№ 4). Научные интересы Кметя были исключительно разнообразны и охватывали ряд дисциплин: ботанику (кстати отметим, что Кметь был дарвинистом), минералогию, археологию, этнографию, фольклористику. С большой любовью и уважением к народной культуре Кметь изучал ее в разных направлениях. В первые годы деятельности он ориентировался преимущественно на пропаганду словацкого народного искусства, где больше всего привлекали его внимание народная вышивка и плетение кружев, в которых он видел доказательство существования «многовековых особенных культурных стремлений» словацкого народа (стр. 340). Кметь занимался и собиранием памятников народной материальной культуры (особенно вышивки, кружев, орудий труда) для музеев и научной обработкой собранного материала. При активном участии Кметя был создан в 1895 г. Словацкий музейный союз. Одна из самых больших заслуг Кметя — упорная борьба за создание академии, в которой изучали бы словацкий народ; но в этом он не мог найти поддержки у словацкой буржуазии.

В 1958 г. фольклористы и этнографы Словакии отмечали 100-летие со дня издания «Словацких сказок» Августа Горислава Шкультеты и Павла Добшинского. Журнал поместил в связи с юбилеем статью А. Мелихерчика (№ 5) и архивные материалы, представленные Ц. Краусом (№ 6). Эти публикации освещают историю издания «Словацких сказок», а также показывают исключительную настойчивость составителей, которая позволила издать этот чудесный памятник народной словесности в тяжелые для фольклористики времена. Однако второй том «Словацких сказок», подготовленный к печати, так и не увидел света.

Журнал отметил также статьей Р. Жатко «Знаменательный юбилей» (№ 6) семидесятилетие крупного чехословацкого слависта-филолога акад. Франка Вольмана

⁵ См.: П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту придунайской Болгарии, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 182.

⁶ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 165.

(профессор сравнительной истории славянских литератур университета в Брно), имеющего немалые заслуги и в области народной словесности.

Из статей по музыкальному фольклору большой интерес представляет работа С. Бурласовой «Музыкальный фольклор с. Хорватский Гроб и проблема этнического рассеяния» (№ 1—2)⁷. Проблему «этнического рассеяния» автор изучает на примерах хорватских сел в Словакии (около Братиславы), где еще с середины XVI в. осели хорватские колонисты, которые впоследствии были ассимилированы словаками, особенно в тех пущах, где хорватское население было в меньшинстве. В XIX в. в таких селах хорватский язык был уже забыт. Однако там, где преобладало хорватское население, его родной язык сохранился до настоящего времени. В одном из таких пунктов — с. Хорватский Гроб — в 1922—1924 гг. вели этнографическую полевую работу А. Вацлавик и И. Черник. Автор статьи, также исследовав музыкальный фольклор этого села и сравнив свои записи с материалами прежних исследователей, приходит к интересным выводам. Из восьми бытовавших в 1924 г. хорватских песен две широко известны и сейчас, две — распространены слабее, а остальные забыты. Изучение мелких этнических групп, окруженных другими этническими массивами, даст возможность исследовать проблемы культурных взаимовлияний и процессов рассеяния и ассимиляции малых этнических групп. Такое изучение будет, по мнению автора, содействовать развитию сравнительной славянской и даже европейской фольклористики.

В журнале имеется раздел «Архивные материалы», где помещаются публикации по истории народной культуры и быта словаков. Особый интерес представляют публикации в 1958 г. И. Маркова «Этнографические данные об области Верхнего Грона XVIII и начала XIX века в.» (№ 4) и П. Хорвата «Материалы по истории народной архитектуры в бывшей Братиславской жупе в конце XIX в.» (№ 5).

В специальном разделе журнала — «Этнографическое музееведение» помещены статьи о конференции Союза словацких музеев, об этнографических выставках в Братиславе и Кошице, а также информации об этнографических собраниях и новых пополнениях словацких музеев.

Хорошо ведется раздел рецензий и библиографии, где освещаются работы как чехословацких, так и зарубежных этнографов. В 1958 г., как и в предыдущие годы, в журнале рецензировались работы советских этнографов и фольклористов. Высокую оценку получила книга В. И. Чичерова «Зимний период русского народного календаря XVI—XIX вв.». Положительно оценены также сборник «Закарпатские народные сказки Андрея Калины», изданный в Ужгороде в 1957 г., и статья П. В. Линтура об этом сказочнике, помещенная в т. XXIV «Научных записок» Ужгородского университета. Журнал прорецензировал также сборник «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX в.», вышедший в 1955 г.

Оценивая журнал в целом, нужно отметить в первую очередь глубокую разработку различных вопросов этнографии и фольклористики. К сожалению, объективно получилось так, что журнал уделяет больше внимания прошлому, чем настоящему. Бросается в глаза отсутствие статей о современном быте, о процессе формирования социалистического быта и культуры словацкого народа. Несмотря на успехи словацких этнографов и фольклористов в изучении рабочего класса Словакии, журнал в 1958 г. не поместил ничего о рабочем быте.

Растущий и крепнущий коллектив словацких этнографов несомненно может решать большие задачи, которые стоят перед этнографической наукой в период социализма, и журнал должен стать его боевым органом.

А. Я. Порицкий

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Переднеазиатский этнографический сборник. 1. Редакторы О. Л. Вильчевский, А. И. Першиц. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». Нов. серия, т. XXXIX, М., 1958, 336 стр.

Велика роль народов Передней Азии в развитии человеческой культуры. В Передней Азии возникли и развивались древнейшие государства, являвшиеся наиболее передовыми для того времени. В настоящее время страны Передней Азии привлекают к себе всеобщее внимание борьбой народов за национальную независимость против остатков разваливающейся колониальной системы империализма. Изучение народов Передней Азии, их этнического состава, расселения, культуры и быта в прошлом и настоящем помогает лучше, всесторонне понять обстановку, сложившуюся в этом важном районе земного шара, и поэтому представляет большой интерес для исследователя.

Рецензируемый «Переднеазиатский этнографический сборник» — первый изданный Институтом этнографии Академии наук СССР сборник, посвященный народам стран Передней Азии. В его статьях содержится много нового интересного материала по затрагиваемым вопросам. Некоторые статьи (например, статьи И. М. Дьяконова и С. И. Брука) являются вообще первыми сводными работами, дающими представление о состоянии изученности рассматриваемых там проблем.

⁷ Статья представляет собой реферат, прочитанный на Международной конференции фольклористов, состоявшейся в 1957 г. в Югославии.